

NIG TUTA PERENNAT

Санкт-Петербургский УНИВЕРСИТЕТ

№ 9 (3340)

Сентябрь, 3, 1993

Цена свободная

Куда ж нам плыть?

Университетский корабль уходит в плавание. Его оснастка изрядно обветшала, а подгнившие борта требуют ремонта. Команда, суетящаяся на скрипучей палубе, сетует на скудное жалование, а грузчики лишь наполовину заполнили просторные трюмы экипировкой и амуницией. Но как бы предыдущий рейс не вымотал экипаж и какие бы испытания не сулил ему рейс грядущий, ничто не помешает кораблю отдать швартовы и отправиться в путь. Скоро ветер надежды наполнит старые паруса, и капитан поведет судно по привычному маршруту.

В канун нового учебного года исполняющая обязанности ректора университета Людмила Алексеевна Вербицкая рассказывает о состоянии дел в университете:

— Грядущий учебный год несет с собой немало проблем. К сожалению финансирование университета на сегодняшний день остается неудовлетворительным. Несмотря на то, что гос.комитет по высшей школе заверил нас, что правительство принимает меры, предусматривающие ряд льгот для нашего вуза, ситуация остается сложной. Достаточно сказать, что финансирование за август месяц было выделено нам только 27 числа.

В настоящее время сотрудники университета получают оклады, исходя из минимума заработной платы 4500 рублей

по I разряду тарифной сетки. Этот минимум был установлен еще 1 апреля. Но правительство выделило только половину средств, необходимых для покрытия этих расходов. Поэтому администрации приходится идти не на совсем корректные с точки зрения законодательства меры. Мы переводим деньги с одной статьи расходов на другую. Скажем стипендиальный фонд к началу летних отпусков был выделен только на 25%, и студенты разъехались домой. Это позволи-

ло вовремя выплатить отпускные сотрудникам и преподавателям. Однако, сейчас нам нужны средства, чтобы выплатить стипендию вернувшимся в университет студентам.

Согласно указу Президента наш университет является национальным достоянием. Однако, никаких подзаконных актов в связи с этим указом правительством принято не было. Нам приходится самим изыскивать возможности выплачивать сотрудникам дополнительные 0,5 оклада. Нужно сказать, что нам навстречу пошла мэрия города и оказывает существенную помощь. Недавно городские власти выделили университету беспроцентный кредит в размере 250 млн. рублей, но только на один месяц. Хочется надеяться, что в дальнейшем мэрия последует примеру правительства Москвы, которое приняло постановление о выделении на нужды высшей школы кредита в 2 млрд. рублей сроком на 1 год. Кроме того, обнадеживает и тот факт, что в будущем нам будет предоставлена возможность в том случае, если задерживается государственное финансирование, брать кредиты в банках с последующим погашением его министерством финансов.

Но несмотря на все эти трудности прошедший год показал, что университет остается одним из ведущих вузов страны. Конкурс абитуриентов остается достаточно высоким, особенно на юридический, экономический, филологический, психологический факультеты. В этом

году открыт новый факультет — школа бизнеса. Университет активно принимает участие в программах "Народы России" и "Университеты России", сотрудничает с различными фондами, которые занимаются поддержкой научных исследований. Не упал престиж университета в Европе и в мире. На сегодняшний день он входит в десятку ведущих вузов планеты.

Как бы то ни было, нам удастся сохранить потенциал университета, и это самое главное. По нашим оценкам очень немного (не более 3%) сотрудников университета покинули или хотели бы покинуть вуз. Как правило, они находят работу за границей. Но даже в этом случае мы будем стараться идти им навстречу, оформляя пребывание за рубежом как академический отпуск, с тем чтобы по истечении срока контракта они снова вернулись к нам и продолжили работу в университете.

В ближайшее время нам предстоит принять новый Устав университета и на его основе выбрать нового ректора. Устав и Положение о выборах разрабатываются сейчас специальной комиссией. Но каким бы ни был результат выборов, я думаю, генеральный курс останется прежним: сохранение университетских традиций и научных школ в сочетании с развитием новых форм обучения.

Университетский корабль уходит в плавание. Пожелаем ему счастливого пути.

Владимир МАКСИМОВ

**Поздравляем
универсантов
с новым
учебным
годом!**

Что нам грозит?

(или 3 года спустя)

Предложение редакции посмотреть с позиций сегодняшнего дня на мою статью, опубликованную под тем же заголовком три года тому назад, заставило извлечь из домашнего архива номер "Ленинградского университета" от 16 февраля 1990 года. Неожиданно для себя я его перечитал от корки до корки, снова ощутив атмосферу того золотого для университетской журналистики времени. Преддверие выборов в Росийский парламент, горячие дискуссии о формах университетского самоуправления, надежды на благотворные демократические и экономические перемены. В числе авторов номера — А. Дегтярев и В. Ягья, Б. Ельцин (!) и его нынешний экономический советник А. Илларионов. Но особое внимание я уделю статье профессора Б. С. Павлова по этическим проблемам жизни университета. Вот если бы привлечь всех основных авторов этого номера к ретроспективному выступлению на страницах "Петербургского университета".

Впрочем, ближе к теме. В феврале 1990 года в качестве трех наиболее опасных для судьбы университета факторов я рассматривал:

1. Ослабление государственной власти (требуется правительство достаточно сильное для сбора налогов и достаточно дальновидное для финансирования высшего образования).

2. Рост числа торгашей в храме науки (уход ряда университетов на легкие и высокие заработки в кооперативы).

3. Политизация снизу (грозит заменить деловую атмосферу малоплодотворными дискуссиями).

К сожалению, первая угроза за минувшие годы существенно усугубилась. Мы пережили правительство Рыжкова и Павлова, жестко ограничивавшие фонд оплаты труда в высшей школе и одновременно позволившие кооперативам превращение безналичных денег в наличные. Мы помним нерасчетливую щедрость правительства Гайдара и сталкиваемся сегодня со столь же нерасчетливой скупостью (по отношению к вузам) кабинета Черномырдина.

Второй неблагоприятный фактор (если его понимать как отток кадров из университета вообще) привел к падению ряда количественных показателей (публикации, защиты диссертаций) на 20-30 процентов, после чего их уровень в последние два года стабилизировался. Формально непоправимого ущерба нет, но психологическая атмосфера на многих кафедрах и в лабораториях стала совсем иной.

И, наконец, политизация снизу просто не состоялась. В обществе достаточно быстро наступило разочарование деятельностью политических лидеров самого различного толка. Да тут еще подоспели законодательные акты, закрепившие деполитизацию учебных заведений.

Кризисную триаду сегодняшнего дня я вижу несколько иной

и более мрачной, ниже я ее кратко прокомментирую.

1. Неспособность государства сохранить высшую школу в существующих масштабах.

Глубокий экономический кризис и огромный бюджетный дефицит привели к тому, что в последние годы российские вузы не обновляли свое учебно-научное оборудование (за исключением компьютеров), в стране почти прекращен выпуск учебной литературы, исчезла с прилавков книжных магазинов научная продукция. Денег не хватает даже на зарплату. Для выпускников вузов сведены к минимуму возможности устройства на работу по специальности.

Реально встал вопрос о значительном сокращении высшей школы и научных учреждений: для сегодняшней России они уже не по карману. Однако процесс сокращения может развиваться по разным сценариям. Наиболее прост (для центральной власти) путь саморазвала, когда всем одинаково недоплачивают и каждый вуз агонизирует самостоятельно. Более разумный подход заключен в выделении группы ведущих вузов, остающихся в федеральном ведении и полноценно поддерживаемых из государственного бюджета. Остальные вузы муниципализируются, т.е. передаются в ведение регионов, которые в последний год заметно увеличили отдаваемую у себя долю доходов.

Одна из важнейших задач ведущих университетов — добиться от Правительства проведения осознанной хирургической операции, а не ожидания всеобщего сепсиса.

2. Непрестижность высшего образования.

Летний прием в вузы России подтвердил заметное падение интереса молодежи к получению высшего образования; в ближайшие годы эта тенденция будет усиливаться, причем в "загоне" окажутся и физики, и лирики (т.е. "чистые" гуманитарии). Массовый интерес сохранится, пожалуй, к обществуведению современного толка (юридические, экономические, языковые и социологические специальности, плюс информатика). Образование такого типа позволит выпускнику вуза вписаться в реалии сегодняшнего дня.

Мотивация студентов, поступивших на "непрестижные" факультеты, может быть значительно ослаблена в процессе обучения, что в конце концов губительно скажется и на уровне преподавания.

Классические университеты сегодня должны изменить стратегию обучения, использовав подоспевший по времени переход на двухступенчатое высшее образование. На младшей ступени следует обеспечить широкое университетское образование упомянутого обществуведческого типа и знание основ

возможной будущей специальности. Иными словами, бакалавры должны получать общее высшее образование с математическим (или любым другим) уклоном. Углубленное изучение соответствующей отрасли современной науки будет начинаться лишь в магистратуре.

Эта схема обеспечит выпускникам бакалавриата определенный запас жизненной устойчивости, а для наиболее одаренных создаст предпосылки для служения науке.

Неклассические университеты в ближайшие годы тоже будут открывать в своем составе экономические или юридические факультеты. Но в подобной конкуренции мы должны выигрывать благодаря подлинно университетской широте образования и его качеству, если только не позабудем о значении рекламы.

3. Этической безаремье.

Очевидная моральная деградация окружающего мира привела и к усилению этической поляризации сообщества университетов. Все чаще и чаще приходится встречаться с тем, что наша "Alma Mater" расценивается как более или менее выгодное место службы. В университете все острее и острее ощущается дефицит порядочности. Именно об этом писал три года тому назад профессор Б. С. Павлов, и мне хотелось бы напомнить его предложение:

"Мне кажется, что в преамбуле устава стоит сформулировать этический принцип университета: "Честность, трудолюбие, храбрость и доброта". В первую очередь честность, ибо легко понять, кем является тот, кто более трудолюбив или более храбр, чем честен. Затем трудолюбие, ибо так же легко представить себе того, кто более храбр, чем трудолюбив — без него мы пока что обойдемся. Наконец, доброта — она-то и есть конечная цель, но только после честности, трудолюбия и храбрости, ибо отдать можно лишь то, что имеешь".

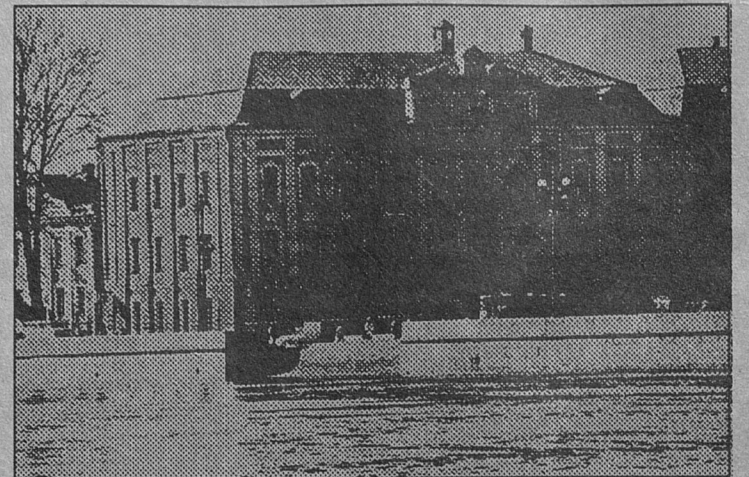
К сожалению, сегодня подобные слова не звучат в стенах университета, и во многом потому, что в процессе деполитизации исчезли привычные для многих их нас встречи и обсуждения на общих собраниях. Добавим к этому и излишнюю профессионализацию нашей газеты. В итоге гласность в университете сползла на доперестроечный уровень.

Шаги для восстановления такой свободы могут предпринять и наша газета, и сохранившиеся общественные организации (профсоюзная и Совет ветеранов), и родившаяся недавно Ассоциация профессоров.

Хорошим поводом для разговоров о наших внутренних делах может послужить в ближайшие месяцы обсуждение нового Устава Университета.

Профессор
В.Н. КРАСИЛЬНИКОВ

Российский романс

Наши университеты: Инфляция

Нет-нет, а поминаются порой, и порой все чаще, бывшие застойные годы, овеянные — по контрасту с прагматизмом нынешних дней — романтической дымкой: и еда была дешевой, и цель была ясная; то есть знали, зачем ели и куда шли, а все вместе составляло нашу незыблемую уверенность в завтрашнем дне. Время, вошедшее в историю как эпоха "холодной войны", и вспоминается теперь с такой поучительной теплотой. В чем причина такого контраста? Почему обилие холода в общественной жизни так привлекательно теплокровному человеческому воспоминанию? Ответ возможен такой: холод и холодное имело во фразеологии того времени положительное значение в противовес отрицательности горячего. Оно ассоциировалось с замороженностью, твердостью, незыблемостью. Романтика снежных пиков, Арктики и Антарктики подогрела этот образ. Холодное значило надежное и прочное в противовес непостоянству горячего, стабильность в противовес изменчивости.

Твердая валюта — это желанный островок холода в горячем бурлящем современном мире, — биржи мира с трепетом следят за малейшими колебаниями его температуры. Если культура — это общественное достояние, чрезмерно возвышенное в своей конкретности, чтобы принадлежать всем, принадлежать конкретно каждому в отдельности на правах собственности, то твердая валюта в своей абсолютной абстрактности такую возможность дает. Возможность тем более привлекательную здесь, в России, что с выбором демократии ей пришлось безжалостно жечь мосты прежнего негодного для новой обстановки холода, и ярче всего заплыл рубль.

Инфляция — из всех горячих тем, после войны — самая горячая, самая всепроникающая — от общегосударственного до узкосемейного масштаба. Если раньше система очередей демонстративно неограниченные возможности откладывания покупки, утверждая принцип сохранения денег через откладывание, — то теперь люди бегают по магазинам не просто, чтобы сделать покупку, а с целью успеть купить то, что есть, или то, что надо, подешевле, т.е. до того, как деньги подешевеют в свою очередь, поскольку принцип сохранения заключен теперь во вкладывании. Социологически это

значит, что время начинает играть центральную роль. Время становится основной ценностью. Во времена застоя и замораживания способ существования времени осуществлялся по принципу откладывания, то есть время всегда было в запасе, как мясо в морозильнике. Запас этот был неизмеримо растяжим — от 7 минут полета крылатых ракет до 20-летнего периода построения коммунистического общества и неограниченных резервов совершенствования развитого социализма. Поскольку время измерялось будущим, в настоящем оно было всегда про запас, в отложенном состоянии, в бездействии — отсюда и застой, безвременье, состояние сродни стоянию в очереди, ход которой отмечался близнецами-съездами КПСС. С начала перестройки очередь нарушилась, заторопилась, нормой жизни стала внеочередность, и это было только начало.

Парадокс современной ситуации в том, что времени необходимо много, оно выведено из запаса, освобождено от сдерживающих целей, но его катастрофически не хватает. Суть ценности времени заключается в том, что его нет, нет в наличии, в отложенном состоянии; время есть только во вложении, в употреблении, то есть ценность имеет отсутствие времени, свидетельствующее о его задействованности, использовании. Если во времена застоя принцип откладывания ставил проблему "как убить время", то теперь вопрос в том, "как употребить время".

Близость фразеологии времени и денежного оборота подтверждает глубокую и, может быть, подлинно философскую истину о тождестве времени и денег и, соответственно, поднимает вопрос о первичности. Именно эта простая истина — time is money — должна прийти на смену поднадоевшим измышлениям относительно бытия и сознания. Время фиксируется в терминах и актах денежного обращения, и наоборот — денежное обращение обосновывается временем. Инфляция здесь — частный случай. Она — школа новой жизни: новых денег и нового времени, школа стремительного, глобального и радикального перехода от СССР к России, от социализма к капитализму, школа, обучающая по непомерно ускоренной, но полной программе.

Андрей ИВАНОВ

Светит, но не кормит

Как-то на первой полосе появилась максима с унылым названием "Здравствуйте! Как выживаете?". У автора вырвался глубокий вздох о судьбе нашей научной интеллигенции. Скажу по секрету: вздох вызвал массу нареканий в редакции, когда обсуждали вышедший номер (уж больно пессимистичная позиция). А между тем, трезво оценив обстановку, нетрудно убедиться, что автор краски-то не сгущал.

В прошлом году Петербургский Союз ученых как раз этим и занялся, а именно — трезво оценил обстановку в научной среде города. В результате появился отчет "Структура научного потенциала Петербурга и социальная защита ученых в условиях изменения стратегии государства в научной политике". Все, как полагаются: компетентные источники, социологические опросы, специальные исследования. Например, материалы экономического раздела основаны на анализе 100 крупных государственных НИИ, КБ и проектных организаций, 30 инновационных фирм и т.д. Без сомнения, некоторые моменты из такого отчета могут заинтересовать не только официальных лиц.

По мнению специалистов, петербургская вузовская наука теряет черты науки фундаментальной. Усилился процесс деинституционации науки: ее отрыв от промышленности и образования, дезорганизация научных коммуникаций, кризис ценностей научного сообщества. Этот процесс (если не считать специфических условий послевоенной Германии) происходит в мировой науке повсюду. Причем не за счет закрытия НИИ или вузов, а путем их дробления и образования коммерческими структурами. Таковых образовалось уже почти 800 (557 — МГП и 240 — научно-технические кооперативы). Однако государственным гигантам, коих на сегодняшний день насчитывается 1252, нынешние частные заведения конкуренции не составят. Особенно таким, как Физико-технический институт им. А.Ф.Иоффе, вмещающий 2,5 тысячи человек (это при средней численности работников в академических структурах Петербурга 370). Выяснилось, однако, что, несмотря на резкое сокращение бюджетного финансирования, примерно четверть научных коллективов города сумела приспособиться к условиям рынка, причем не столько за счет научного уровня, сколько благодаря неожиданно выявившимся коммерческим лидерам. (Последствия печальные очевидны: внедрение рыночных отношений в сферу науки привело к массовому снижению качества и уровня законченных работ.)

Хуже всего обстоят дела с ВПК. Петербург — один из крупнейших центров оборонной науки. На оборону работали (и в какой-то мере про-

должают работать) не только "ящики", вузы и НИИ вооруженных сил, но и часть сотрудников академических учреждений и гражданских вузов. Доля занятых в оборонной науке выше, чем по России в целом. Сейчас "на плаву" остались научные организации экономического профиля, проводящие опросы, оперативные исследования и т.п. Ученые, составлявшие отчет, пришли к выводу: наиболее целесообразный сценарий процесса конверсии — свертывание военной промышленности и интенсификация научно-технических исследований. Война в Персидском заливе показала, что ключевое значение имеют сверхточные военные изделия. С учетом этого Петербург предлагается сохранить как центр военно-технической мысли (оптика, космос, судостроение и т.п.). Источником финансирования остался бы госбюджет. Можно будет привлечь и иностранных инвесторов. Кое-что, таким образом, от нашей военной мощи сохранится. Но большинству сотрудников НИИ оборонного профиля придется последовать примеру рязановского Ивана Васильевича. (По данным социологического опроса, работники именно военной сферы проявили впечатляющую сознательность: 80 процентов опрошенных готовы к переквалификации, правда, половина — только если не будет другого выхода. При этом 47 процентов респондентов в той или иной мере готовы оплачивать свою переквалификацию, в том числе 11 процентов — полностью.)

К сожалению, переквалификацию придется не только "оборонщикам". Физическое сохранение академических институтов и вузов еще не означает сохранение кадрового потенциала. А ведь несколько лет назад он у нас был, и очень солидный. В Петербурге в сфере науки занято 243,6 тысяч человек. (Примерно 10 процентов от числа занятых в науке по России и 13 процентов от общей численности работающих в городе.) 154,4 тысячи специалистов с высшим образованием выполняют исследования. Только докторов у нас 4 256, а кандидатов — 26 200! (Наибольшее количество специалистов — в технических науках, хотя уровень их подготовки, как и во всей стране, не очень высокий.)

В последнее время численность научных сотрудников резко сокращается. В 1991 году специалистов, занятых исследованиями и разработками в Петербурге, стало на 17 процентов меньше, а в конструкторских организациях — на 20 процентов. В 1992 году процесс истощения отраслевой науки продолжался: только за первые 9 месяцев численность занятых в отрасли уменьшилась на 60 тысяч человек, т.е. на 20 процентов. О вакантных местах вообще говорить не приходится, заявок от НИИ практически не поступает.

Другая проблема: кто за ми-

зерную зарплату будет отдавать все силы даже любимой работе? Приходится науку с бизнесом совмещать. Если в целом по Петербургу в МГП 36 процентов — штатные работники, то в МГП науки и научного обслуживания — только 18 процентов. Какие уж тут прикладные исследования в нищих, до боли родных, привычных институтах!

Молодое, рационально выбирающее "пепси" поколение тоже не обнадеживает: например, фактически происходит развал аспирантуры. За несколько лет число аспирантов уменьшилось в 20 раз. Потому что аспиранты становятся у нас одним из самых незащищенных слоев населения.

Если раньше социальные проблемы формулировались — "создать условия для эффективного труда", то уж теперь приходится думать об эффективности способов выживания. Все — против! Средняя зарплата занятых в сфере науки на 30 процентов ниже, чем в народном хозяйстве города. По данным социологического опроса, в начале ноября 1992 года средний доход научного сотрудника на одного члена семьи составлял 2200 рублей при 300-рублевой колбасе. Не удивительно, что 97 процентов респондентов "питаются хуже, чем несколько лет назад", 16 процентов полагают, что в ближайшем году-два условия их жизни не улучшатся, а 44,5 процента думают, что даже ухудшатся.

Особенно "неблагополучными", неуверенными в себе явля-

ются группы: "20-30 лет", "аспиранты", "прикладные исследования". Причины неуверенности, как правило, связаны с экономическими и политическими проблемами общества. Кроме того, большинство считает, что в случае сокращения в науке останутся "научная номенклатура", "коммерсанты от науки" и "карьеристы". Многие ученые (особенно старшее поколение) переживает тяжелый ценностный кризис.

Более гибкими оказались женщины по сравнению с мужчинами, группа "технические" науки по сравнению с нетехническими, а также прикладники на фоне теоретиков.

Наименее активная часть научных работников — среднее поколение. Группа эта весьма неоднородна. Наибольший задел у людей от 41 до 50 лет. Среднее поколение, вероятно, по своим психологическим характеристикам делится на две категории: тип идеализированного ученого (нуждается в особом внимании) и тип человека, случайно оказавшегося в науке (сам должен о себе позаботиться).

Старшее поколение воспринимает ситуацию крайне болезненно. С одной стороны, "ветераны" ощущают себя первыми кандидатами на увольнение. С другой — большинство из них не способно перестроиться и найти для себя новое поле деятельности, причем хорошо это сознает. Им слишком тяжело изменить свой социальный статус в сторону понижения.

И, наконец, что думают петербуржцы о своей науке и ученых.

Справедлив (достаточен) ли уровень финансирования? 48 процентов респондентов считают, что на науку тратится слишком мало денег (на образование — 72 процента). Приоритетными в увеличении финансирования признаются здравоохранение, пенсионное обеспечение, экология. (В США, к примеру, несколько иной подход: экология, образование, помощь старикам и только потом здравоохранение.)

Наиболее высокий рейтинг у петербуржцев имеют психология, социология и физика. А вот ядерная энергетика и военно-технические разработки мало кого интересуют.

Но главное: не подтверждается расхожее мнение о том, что люди стараются обвинить во всех бедах современного общества ученых и науку. Наоборот. В нашей стране наука пользуется поддержкой достаточно широких кругов населения, хотя и в значительно меньшей степени, чем в США. В сознании американского населения сложился гораздо более привлекательный стереотип ученого. У нас же имидж науки значительно выше имиджа тех, кто ее, собственно, и делает. НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ ОЦЕНИВАЮТСЯ У НАС НАСЕЛЕНИЕМ СУЩЕСТВЕННО ВЫШЕ, ЧЕМ ВЕРХНИМИ ЭШЕЛОНАМИ ВЛАСТИ!

Предположение (наивное): так вот почему она, то есть наука, только светит...

Материал подготовила Марина ПОЛУБАРЬЕВА

Наша служба и опасна, и трудна

Какой он, университет? Сидя за партой, я с трепетом вспоминала здание Двенадцати коллегий, куда однажды привела меня мама: "Это — университет!"

Шкафы, набитые старыми толстыми книгами. Строгие назидательные портреты ученых. Неужели я — здесь! — буду учиться?

— Во-во, я тоже представлял себе: университет — это что-то очень большое, там много-много студентов. А оказалось, что факультеты разбросаны по всему городу, — рассуждает Эдик.

У Эда с Лешей как раз перекур. Здесь, на юридическом факультете в творческой обстановке многолетнего ремонта, примостившись на подоконнике, первокурсники не прочь порассуждать о будущем:

— Да, особенно после нескольких часов работы по очистке территории. Мы тут в бомбоубежище (в подвале) по колено в воде, в глине всякий хлам перетаскиваем. Ничего-о! Один преподаватель сказал нам: вы не смотрите, что стены ветхие, они многому научить могут. И потом, шеф у нас (зам. декана) мировой: всюду с нами работает, в сапогах резиновых.

Энтузиазм не удивителен. После экзаменационной встряски, да еще при не малом конкур-

се, победителям даже такой отдых настроение не испортит.

— Как сдавали? Алеша?

— Нормально. Никто нас не заваливал. Говорили многие: к тем, мол, кто из спецшкол, придираться. Ничего подобного. Правда, если на каком-то экзамене получаешь тройку, шансов уже не остается, не пропускают. А "дутых" много было.

— "Дутых"?

— Ну да. Одному на сочинении 13 раз подсказывали!

Эд поступал с друзьями. Из пятерых повезло только ему одному. В отличие от Алексея, закончившего спецшколу, Эду пришлось готовиться самому:

— Окончил заочные курсы при университете. Высылал 24 контрольные. Вообще, я сначала хотел пойти в милицию. Мы с папой совсем было решили. Папа у меня военный, так я с детства себя никем другим и не представлял, как только милиционером. Мама поумнее (я хотел сказать: пообразованнее), отговорила: высшее образование лучше сначала получить. А там посмотрим. Может, адвокатом буду.

У Леши история не менее романтичная:

— С детства мечтал.

— Понятно. Шерлок Холмс, капитан Катани...

— Точно! Уже класса с шестого я твердо знал, что буду следователем. Начитался всякой литературы. Но теперь мне хочется стать юрисконсультом. Кроме того, я очень люблю историю. А на нашем факультете история один из основных предметов — история права.

— Ребята, а вы вообще себе представляете, что такое 5 лет на стипендию?

— Как-нибудь. Родители, конечно, будут помогать. Да и сами подзаработаем. Где — пока еще не знаем. Сейчас главное в университете удержаться. Вон у деканата списки висят. С каждого курса человек по двадцать отчислили, особенно с первых. А у нас вылететь еще проще будет: в этом году человек сорок платных взяли. На дневном многие отселяться должны.

Я вспоминала, как мы с одноклассниками обсуждали, куда поступать. "Туда, где учиться интересно", — уверяла одна. "Туда, где можно получить такую профессию, что с работой проблем не будет," — возражала другая. А третья смеялась: "Туда, где можно мужа приличного найти!"

И почему я не на юридическом? И первое, и второе, и третье.

Марина ПОЛУБАРЬЕВА

Нырря в науку

"На вакантную должность льва в зоопарке было подано 50 заявлений. Но все — от ослов. Что было делать?.. Выбрали самого толстого".

Такой, скажем прямо, грустный анекдот рассказал мне один из преподавателей Академической гимназии накануне учебного года. Повод простой: конкурс в гимназию по-прежнему большой (по разным регионам северо-запада России — от 5 до 10 человек на место), а выбирать — и некого. Планку — то на приемных экзаменах высоко держат. Ведь Академическая гимназия — школа не обычная. Успешно окончившие ее поступают в университет без экзаменов. А точнее: выпускные экзамены здесь являются одновременно вступительными экзаменами в университет.

— Вот, к примеру, в этом году 6 наших ребят поступили на биолого-почвенный, 32 — на матемех, 23 — на физфак, 8 — на ПМПУ, 10 — на химфак и по одному — на геологический и географический факультеты, — зауч гимназии Наталья Назаровна Соколова листает экзаменационные ведомости. — Это примерно из сотни наших выпускников. Можете подсчитать...

Старательно, как школьник, складываю. Получается 81. Процент немалый.

— И плюс — те, кто набрал нужное число баллов у нас на экзаменах. Они идут на общих основаниях. И как правило, тоже поступают без проблем, — добавила Наталья Назаровна. — Есть у нас отличники, медалисты даже. Но есть, конечно, и троечники.

Эх, мне бы такие "тройки"... Помню, что выпускники 45-го интерната (так тогда называлась Академическая гимназия) на физфаке первые два года учились играючи. В то время, как мы, все остальные, "пахали" в поте лица. Еще бы: ведь для них все это был уже пройденный материал.

Высокий уровень образовательной подготовки — это даже не традиция Академической гимназии, а скорее, "привычка"... Просто так было всегда, все 30 лет ее жизни. Не случайно родители считают ее школой для одаренных детей. А кредо гимназии, как его формулируют сами преподаватели: хорошее базовое образование плюс специализация.

До нынешнего года специализаций в гимназии было четыре (несмотря на "разброс" факультетов университета, на которые поступают ее выпускники). Вначале были физики, математики и химии. Хотя физика и математика всегда считались главными, что ли... Даже

имя у гимназии долгие годы было другое: физматшкола-интернат, ФМШ. Учитель литературы Анна Александровна Тишкова, прочитала мне стихи одного из своих учеников. Из этих музыкальных строк я, к сожалению, ничего не запомнил. Кроме рифмы: "ФМШ — душа"...

Позднее появилась еще одна специализация — биология. И долго гимназия сохраняла свою естественнонаучную направленность. Но вот в прошлом году здесь появились новые классы — для "малышей": 3-й, 4-й и 6-й, более гуманитарные, скажем так. А нынче, кроме традиционных специализаций, у старшеклассников будет новая. Как ее назвать: историко-филологическая, общеобразовательная или как-то по-иному — пока не ясно. Но набор предметов: история, литература, латынь, два иностранных языка — соответствует, вроде, российскому классическому гимназическому образованию. Причем, это никак не скажется на уроках физики, химии или математики (вы же помните кредо Академической гимназии?). Все будет в полном объеме. Потянут ли нынешние одаренные дети такие нагрузки?

Скорее всего, да. Судите сами. Как вам понравится, скажем, такое название научной работы школьника — ученика

11-д класса Алексея Быстрова: "Церебральная асимметрия и пол"? Мне лично каждое слово по отдельности, кажется, понятно — а все вместе как-то не складывается... Его научный руководитель Наталья Назаровна Соколова, биолог, пояснила, что речь идет о различиях в строении полушарий головного мозга у особей разного пола. Своим научное исследование Алексей Быстров проводил на кафедре физиологии высшей нервной деятельности Биологического НИИ. Его работа весной была отмечена дипломом I степени на городской олимпиаде по биологии — так же, как и работа его одноклассника Димы Ревякина "Экология лапландской гаички". Статьи Димы и Алексея приняты к публикации в школьном научном журнале "Пролог".

И это, кстати, тоже одна из особенностей Академической гимназии — научно-исследовательская работа школьников. Конечно, на уровне их информированности, но настоящая научная, а не учебная. Не только у биологов, но и у физиков, и у химиков. У математиков работы не экспериментальные, а скорее, теоретические. Школьники еще в гимназии выбирают свою научную тему — как Дима Ревякин, который в Канда拉克ском заповеднике изучал свою лапландскую гаичку, а не

за столом по книжкам. Естественно, такие ребята потом поступают в университет и продолжают заниматься у того же научного руководителя. Ведь среди преподавателей Академической гимназии только половина штатных. А другая половина — это совместители, сотрудники университета: профессора, доценты, ассистенты.

Университетскую атмосферу школьники впитывают с "малолетства", окунаясь с головой в науку, порой даже ныряя в нее. Словами объяснить этот особый стиль жизни невозможно. А ребята его впитывают органично, как атмосферу своего дома, ежедневно общаясь с профессионалами. И не только в классе, но и в лабораториях университета, где за вечным чаем обсуждают свежие научные новости, публикации коллег, успехи и неудачи в работе.

— Достоевщина какая-то! — пожимает плечами Анна Александровна Тишкова, учитель литературы. — Куча проблем у нас, все чем-то недовольны, ругаются. Люди уходят — и снова возвращаются сюда! Нет, чистая достоевщина: если бы она была еще горбатая и хромая, то он, наверное, полюбил бы ее еще больше... На чем держится школа — для меня это по-прежнему загадка.

Евгений ГОЛУБЕВ

Ex libris

Библиотека историка

Рецензия на книгу А.П. Павлова "Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584-1605 гг.)" СПб.: Наука, 1992.

Пожалуй, одним из наиболее значительных событий в исторической науке за последние полгода стало появление на прилавке магазинов издательства "Наука" книги А.П. Павлова "Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове".

Вот уже около 15 лет в печати появляются статьи А.П. Павлова, посвященные весьма сложному периоду русской истории — эпохе, непосредственно предшествующей Смуте. Но только в настоящей работе отдельные фрагменты целого ряда проблем получили свое концептуальное завершение.

Основная задача историка — добиться того, чтобы заговорили прежде всего сами документы. Конечно, не всегда это возможно, и без нарративного (повествовательного) материала здесь не обойтись, но попытка, и, на мой взгляд, весьма успешная, дала неожиданные результаты. В особенности интересен подход исследователя к такому сложному источнику, как писцовые книги. Сравнительно не-

плохо сохранившийся комплекс писцовых описаний различных уездов России I половины XVII в. дает возможность путем ретроспективного анализа реконструировать объем земельных владений феодалов не только изучаемого автором периода, но и более раннего времени. Нельзя сказать, что А.П. Павлов первым обратился к писцовым книгам, применив данную методику. Идея ретроспективного анализа давно, так сказать, витала в воздухе среди историков, использующих в своей работе писцовые книги. (Подобные методы использовали В.Б. Кобрин, Л.И. Ивина и другие специалисты.) Но здесь важна не только методика, но и цель ее применения: для чего нужны данные, полученные при обработке источников. Вывод, к которому пришел А.П. Павлов, после изучения земельных владений феодалов, весьма нетрадиционен не только для советской, но и для русской историографии: "родовитая верхушка двора не представляла собой могущественной земельной

аристократии, способной противостоять самодержавной власти". Во многом, как считает исследователь, — это итог опричной политики.

Приведенный пример, когда выводы А.П. Павлова выходят за рамки историографической традиции, далеко не единственный. В советской исторической науке долгое время доминировала концепция, берущая свое начало в работах С.Ф. Платонова, о борьбе боярства и дворянства и их взаимоотношении с верховной властью как основном содержании политической истории XVI в. В конце 50-х годов эта схема подверглась существенной критике, когда Н.Е. Носов скорректировал ее в сторону борьбы титулованного старомосковского боярства. Тогда же свою точку зрения, и тоже не в пользу традиционной для того времени концепции, высказали А.А. Зимин и С.М. Каштанов. Лишь сравнительно недавно историки осознали неоправданность не только жесткого разделения феодалов на боярство и дворянство, но

и поставили под сомнение безоговорочное деление боярства на титулованное и нетитулованное. В этом отношении характерна статья Н.Е. Носова, вышедшая в 1986 г. Взгляды своего учителя развивает и А.П. Павлов. Государев двор и рядовое провинциальное дворянство — вот два слоя феодалов, интересы которых в действительности далеко не всегда совпадали. Исследователь приходит к выводу, что именно провинциальное дворянство, его позиция стала одним из решающих факторов, определивших развитие событий после смерти Бориса Годунова. А.П. Павлов убедительно доказывает, что не может быть и речи о противостоянии аристократии Б.Ф. Годунову. Вплоть до 1605 года верхи общества были лояльны в отношении царя Бориса. Соответственно была и политика последнего. Нельзя говорить и о массовом вхождении в состав Боярской Думы родственников Годунова.

Помимо концептуальных положений, историк расходится с историогра-

фией и в частности. Например, считается, что измена Годунову П.Ф. Басманова, ставшая роковой для новой династии, была связана с его местническими претензиями к А.А. Телятевскому. Оказывается, и на наш взгляд это вполне справедливо, дело совсем не в этом. Басманов был близким родственником Голицыных, чем и была обусловлена его политическая позиция.

Хотя нижняя хронологическая граница монографии А.П. Павлова определена 1584 годом, автор с неизбежностью выходит за очерченные хронологические рамки: к этому его ведет логика самой работы по изучению структуры и эволюции государева двора. И благодаря этому историк показывает, как на протяжении второй половины XVI века все глубже пролегает линия водораздела между феодалами, служащими при дворе, — аристократией — и рядовым дворянством. К концу XVI в. службам с низших должностей для представителей знати уже не обязательна. Именно аристократия и играла одну

из основных ролей во время выборов Годунова на царство в 1598 г. По сравнению с предыдущим периодом, например, с земским собором 1566 г., количество представителей дворянства мест снизилось в два раза. Можно ли назвать собор 1589 г. представительным, если на нем присутствовали выборные от "незначительной части всех городов страны". Рассматривая структуру государственного управления на местах, А.П. Павлов показывает рост централизации местного управления, вызванный становлением системы воеводства. В последней четверти XVI века наблюдается и временный взлет системы кормлений, связанный, по мнению историка, с хозяйственным кризисом после опричного периода, ударившего по благосостоянию феодалов. Автор отмечает упадок системы сословного самоуправления за исследуемый период. Пройдет немного времени, и Смута возродит к жизни традиции сословного самоуправления.

Константин ПЕТРОВ

РОКОВЫЕ СТРАСТИ

INDIE-клуб – пятница музыкальной недели

В течение прошедшего сезона в Санкт-Петербурге сформировалась клубная рок-сцена. Мы настолько привыкли к затасканному и избитому слову "клуб" (как в официальных, так и в неофициальных структурах — вся традиция питерского андеграунда строилась на "клубах": джаз-клуб "Квадрат", Клуб современной музыки, Клуб-81), что не заметили, а если и заметили, то не очень еще осознали становление нового для нас явления — музыкального клуба в его настоящем, западном смысле слова, которое охватывает главное — логику предмета.

Музыкальные клубы в городе появляются почти с такой же скоростью, как валютные магазины. Вслед за пионерскими усилиями Севы Гаккеля и его ТАМ-ТАМа другой ветеран рок-сцены Николай Гусев (Странные игры, АВИА) с помощью друзей-коллег по группе "Неформальное объединение молодежи" (НОМ) и рок-исследователя Петра Сытенкова создал в ДК им.Ленина (трогательно-хаотична наша нынешняя топонимика) клуб INDIE. Indie — полусленговое новейшее образование в английском языке от слова independent (независимый). В тамошних реалиях это означает слабо оформленное (организационно и эстетически), но, тем не менее, являющееся определенным лицом движение музыкантов, независимых от китов большого шоу-бизнеса.

Независимость эта зачастую сродни неуловимости ковбоя Джо из известного анекдота. Как правило, стоит крупной фирме помянуть "независимых" солидными гонорарами, их принципиальность и бескомпромиссность заметно смягчается. Однако, так как большой бизнес по определению консервативен и осторожен (что, наверное, неизбежно и правильно, как бы это ни раздражало наших политиков и музыкантов), остается весьма изрядная ниша для деятельности независимых, вновь образованных структур. При благоприятном стечении обстоятельств небольшая независимая фирма может добиться резкого успеха и удерживать в сфере своего влияния даже мегазвезд.

В этом случае, разумеется, прибыли независимых становятся так велики, что им впору уже причислять к большому бизнесу, однако свежесть и новизна позволяют им удерживать имидж. Так, например, произошло с фирмой MUTE (в их "конюшне" "Derache Mode") или 4AD ("COSteau TWINS").

В наших условиях ситуация складывается довольно парадоксальная и интересная. Государственные структуры — наш аналог их крупных фирм — Рос-, Мос-, Лен- и прочие концерты, филармония, фирма "Мелодия", обладавшие практически безраздельной монополией в шоу-бизнесе, обрушились. Старое, доброе, привычное противостояние по линии рок — антирок (вспомните майковское "Право на рок" или "Три-четыре гада" Борзыхина) потеряло всяческий смысл.

По старой схеме все новые структуры независимы, начиная от откровенно коммерческо-эстрадного ЛИС'Са, более или менее роковых центров Стаса Намина и Киселева и кончая квартирой 103 на Пушкинской, 10, где практически каждую неделю играют неприкаянные джаз, рок-, авангардные группы и устраиваются перфомансы. Но и ЛИС'С, и Намин, и Киселев изначально ориентированы на модели большого бизнеса. А квартира 103 возвращает нас по полному циклу к благостно-проклятым застойным временам с их квартирными выставками и сейшенами.

Намин — как тип — при всей его одиозности и не очень высокой репутации в питерских роковых кругах фигура явно более предпочтительная, чем минкультовский чиновник в сером костюме. Однако, при всем желании, Намин не узнает о новом Башлачеве, появившись тот в квартире 103 или в подвале на Рубинштейна, 13. Скорее, все-таки узнает — слишком тесен этот мир, но узнает поздно или даже, как в случае с Башлачевым, слишком поздно.

Большой шоу-бизнес (опять-таки по определению) должен опираться на устойчивые структуры в среднем звене, которые и ведут поиск в андеграунде. Необходимость таких структур осознавалась в роковой среде уже довольно давно, еще со времен гигантизации до уровня звезд бывших лидеров оппозиции (Цой, Кинчев, Шевчук). Однако то ли условия не созрели, то ли энтузиастов не находилось. И вот, наконец, сначала ТАМ-ТАМ — привычно по-аквариумовски безалаберный, суматошный, грязноватый, но милый, добрый и домашний, несмотря на буйство и агрессивность играющих там подчас групп. ТАМ-ТАМ — давнишняя заветная мечта Гаккеля — произвел прямо-таки революционизирующее воздействие на городской рок-андеграунд, всколыхнул дремавшие в полной безнадежности подвального существования силы, дал им точку приложения, дал надежду, уже сделал немало и продолжает делать новые открытия. В ТАМ-ТАМе царят спонтанность и импровизационность, он открыт любым идеям: здесь можно услышать сумасшедший панк и раскачку реггэй, прозрачный нью-эйдж и абстрактный фри-джаз.

INDIE более дисциплинирован, более солиден, более системен. Здесь поставлена реклама, строже придерживаются регулярности концертов, лучше техническая оснащенность, прочнее финансовая база. Идеология клуба заявлена в его названии и вполне соответствует той идеальной independence, что движет коллегами на Западе. Вместе с тем, сфера интересов INDIE охватывает группы с несколько более солидной репутацией. Здесь всегда чуть-чуть меньше места для риска, больше запас прочности. Но рок-дух крепок. Сюда принес для премьеры свою новую программу Миша Борзыхин.

Здесь выступили три английские группы — indie: Devoured, Mecca, Nitzer Ebb.

Сам по себе этот концерт был довольно примечателен. Нет нужды говорить о первичности английского рока. Нитцер Эбб — группа довольно популярная, играющая жесткий электронно-перкуссионный рок, очень эмоциональный, по мужски грубощувственный, а бы даже сказал, сексуальный в своей подаче.

Мекка — при своем интеллектуализме и ориентированности на классику прогрессив-рока типа Капитан Бифхарт или Бездэй Парти — не лишена своеобразной чувственности и даже танцевальности. Лидер Мекки — Ник Гарланд — известен в британских кругах рокового авангарда как журналист и промоутер Ник Хоббс. И если его эрудированность и интеллектуализм сомнений не вызывали, то раскованность, незаурядный вокал и зататки шоумена были приятным сюрпризом.

Смысл концерта был многозначен хотя бы потому, что у нас побывали не легенды и мифы, а по-настоящему действующие группы, которые реализуют идеи музыки, но не своего имиджа.

Но главное, что в городе возникает среда, появляется клубная сцена, то есть сеть разнообразных по возможностям, стилю, духу, организации, направленности и публике мест, где с большей или меньшей регулярностью звучит живая музыка, где обстановка в корне отличается от концертного зала, где можно слушать музыку с бутылкой пива в руках и строгие бабушки-гардеробщицы не загибают желающих покурить в туалет. Здесь собираются единомышленники и знатоки, но новичок легко и непринужденно — при желании — входит в их круг.

Надо, чтобы появлялись новые и крепились старые клубы: по понедельникам "Квадрат" возрождает свои вечера (теперь уже в клубном духе) в кафе ДК Пишвинок; неутомимый Кавалер Глюка Женя Пуссер пытается возродить "Бродячую собаку"; в некоем ПТУ на Московском проспекте якобы каждый четверг играют то блюз, то барокко; с воюющей нерегулярностью, но, тем не менее, изредка функционирует рок-клубовский подвальчик на Рубинштейна; и пятница — день ИНДИ-клуба. Вот и вся неделя.

Все эти места в совокупности: от строгого концертного и респектабельного Джаз-филармоник холла им.Д.С.Голощекина до развязного ТАМ-ТАМа или скромнейшей квартиры № 103 — создают палитру живой музыки. Роль их важна как в социальном плане (ведь это постоянные места цивилизованного общения в эстетически благоприятной среде), так и в творческом: они стимулируют молодых к творчеству, дают полуиллюзорную, но ох как важную надежду, что этому обществу нужны не только Наташа Королева и "Ласковый Май".

Александр КАН

В профкоме СПбУ

23-24 июня делегация СПбУ побывала в Свободном университете Берлина. 25 лет назад Ленинградский университет подписал договор о сотрудничестве с вузами Западной Германии — случай исключительный для того времени. Берлинские и Петербургские ученые оказались хорошими партнерами. За четверть века было выполнено множество совместных работ (особенно в области естественных наук). Ежегодно вузы обмениваются сотрудниками и стажерами. Совместные научные исследования проводились по 17 темам, причем участвовали почти все факультеты. Но лучше всех поняли друг друга физики. Вот и на семинарах в Берлине с докладом выступал профессор физики К.А.Гриднев. Гуманитарные факультеты представлял декан факультета социологии А.О.Баранов.

Городские власти устроили гостям радушный прием, а сами берлинские универсанты в дружеском порыве выделили 7 незапланированных мест (по 2 месяца) для сотрудников СПбУ.

1,5 тысячи сотрудников СПбУ с семьями провели отпуск на университетской базе отдыха. Двухнедельные поездки обошлись им всего по 5 тысяч. А студенты в это время развлекались в поселке Сосново под Петербургом. Там после двухгодичного перерыва в бывшем пионерлагере разместилась турбаза "Нива". В этом году "Нива" приняла 90 гостей. Студенты заплатили всего 10 процентов от стоимости поездки (3 тысячи). Открыть студенческий лагерь на таких условиях удалось благодаря созданию фонда социальной защиты студентов. (Кстати, на увеличение фонда вдвое повлияли планируемые студенческие забастовки).

Но большая часть универсантов явно отдыхала на огородах. Кто раньше отправился бы в отпуск, не получив отпускные? На этот раз к концу августа четверть депонентов остались невостребованными. Вероятно, сотрудники университета уже и не рассчитывали на свою скромную зарплату.

Стипендии не стали дожидаться две трети студентов. Это утешает: для универсантов СПбУ перестал быть единственным источником дохода. Но, с другой стороны, — что вовсе не утешительно — и единственным местом работы.

Летом студенческий профком СПбУ договорился о сотрудничестве с государственным техническим университетом им. Баумана. 30 наших студентов отправятся в Москву на зимние каникулы. Обмен студентами — это только один из пунктов программы. Предполагается совместная научная деятельность. А в марте, возможно, удастся провести студенческий фестиваль.

Преподавательский профком пытался помочь сотрудникам университета расстаться с ваучерами как можно выгоднее. Так, в июне инвестиционный фонд "Державный" принимал у них чеки на льготных условиях: за каждый ваучер по 10, а 11 акций.

Сейчас обмен чеков на акции фонда продолжается. Это вы сможете сделать прямо у себя на факультете. Агент фонда, распространяющий акции (им может стать любой сотрудник СПбУ, обратившись в профком), за оформление каждого сертификата получит 200 рублей.

Также в профкоме будут распространяться акции транснациональной кампании "Гермес-союз" по 32 тысячи (за деньги или за ваучеры).

Защити себя сам

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Отделение борьбы кафедры физического воспитания поздравляет вас с началом нового учебного года, желает удачи, здоровья и уверенности в себе, а значит, и успехов в достижении поставленных целей.

В программе любого факультета есть предмет — физическое воспитание, с обязательным получением зачета на первых двух курсах, и выбор отделения, на котором вы будете его проходить, представляется вам. Избрав отделение борь-

бы, вы получите возможность пройти 2-х годичный курс необходимой самообороны, что так важно в наше неспокойное время.

Занятия проводятся в сетке расписания, под руководством тренеров-преподавателей отделения. В программе курса предусмотрено приобретение навыков в различных видах единоборств, использующих бросковую и ударную технику; кроме того, вы познакомитесь с уникальной методикой подготовки единоборцев, игрой "Бадмин-

тонфайт", или сокращенно "Бадфайт", которая представляет собой оригинальный синтез бадминтона и каратэ.

Принимаются юноши и девушки, имеющие основную медицинскую группу. Наш адрес: Менделеевская линия, дом 5 (Исторический факультет, 2-й этаж, правое крыло). Секреты нашей школы самообороны помогут вам сохранить свою жизнь, здоровье и достоинство.

Зав.отделением борьбы
М.А.СЕМЕНЕНКО

ФАКУЛЬТЕТСКИЕ НОВОСТИ

Первокурсники факультета социологии после торжественной церемонии разделились на две группы, 45 человек и 15. Обе слушали лекцию "Введение в специальность". Но в одной аудитории ее читал декан факультета, профессор А.О.Бороноев, а в другой — профессор Ю.Н.Емельянов. Дело в том, что в этом году на факультете социологии открыто новое отделение социальной антропологии, социальной педагогики и социальной работы.

Наш корреспондент беседует с руководителем отделения, заведующим кафедрой культурной антропологии и этносоциологии, профессором Юрием Николаевичем ЕМЕЛЬЯНОВЫМ.

— Вы знаете, Юрий Николаевич, у журналистов и культурных антропологов есть нечто общее. И те, и другие порой оказываются в "роли подсадной утки", чтобы досконально изучить какую-то ситуацию — изнутри, что называется. Классический пример из нашей сферы: западногерманский журналист Гюнтер Вальраф, который внедрялся в разные фирмы, корпорации с подобными "разведывательными" целями...

— Действительно, на Западе широко развиты исследования корпоративных культур. Например, стремятся выяснить: почему товары фирм-конкурентов, вроде бы, одинаковы, но пользуются различным спросом? Оказывается, продукцию, помимо технических стандартов, формирует корпоративная культура: марка фирмы, дух фирмы, взаимоотношения между коллегами, отсутствие обмана и самообмана в отношении продукции. Будут отличаться ценности корпоративной субкультуры, будет отличаться и продукция фирмы. То есть на производство товара влияет то, что у нас называли "человеческим фактором". Но это, скорее, не столько человеческий, сколько культуральный фактор: сплетение отношений межчеловеческих и отношений человека с вещами.

У нас, кстати, еще не сложились корпоративные культуры до такого уровня, чтобы стали необходимыми подобные исследования. Сейчас пока идет решение чисто технических проблем. Это уже второй этап, когда решающую роль начинают играть человеческие взаимоотношения. Из истории же видно, что всегда фирма развивалась по типу человеческой семьи — не случайно даже в названии присутствует "Н... и сыновья".

— Тут сразу вспоминается Дон Корлеоне, "Крестный отец"...

— Конечно. Любые мафиозные группировки тоже создаются по типу семьи. Это порой и есть семья, разросшаяся до субкультуры. И отношения там как в доцивилизованных обществах: вождь, главарь фирмы, пахан, жесткая иерархия... Мы плохо изучали лидерство, потому что думали: одно дело, наш руководитель, другое — главарь мафии. А оказывается, механизмы-то одни и те же, хотя ценностные ориентации могут быть разными. Коллективный подряд, оценка по конечному результату, дележ выручки — все идет так же.

— И правда, похоже. Но это — если цели сходные у групп. А если цели различаются?

— Если цели различаются, если нет общих ценностей, по-

нимаемых как пели, к которым надлежит стремиться, то тогда вообще культуры нет.

— Нет, не общие цели. Допустим, цель не коммерческая, а...

— И я тоже имею в виду духовные ценности. Под ними не обязательно понимать ценности, что ли, хорошие. Например, не предавать другого — это ценность. И она будет таковой и в мафии, и в любой политической партии...

— Небольшая разница есть, видимо, в мере наказания. В одной группировке пожурят, а в другой — убьют или семью вырежут...

— Конечно, чем более сплоченна группа, тем выше доля риска за предательство. И кстати, если в промышленной фирме попустительски смотрят на выполнение обязанностей, то качество продукции будет явно ниже. И еще заметьте: личная преданность как положительная черта характеризовала и в социальном обществе многие структуры, которые более или менее эффективно функционировали. Хотя такие структуры наносили моральный ущерб, но

они могли хоть что-то производить.

Человек, к сожалению, такое существо, которое управляется — в том числе, и наказанием. Весь вопрос, какую форму оно принимает? В рыночном обществе можно наказывать экономически. Половина преступлений, за которые у нас по старому законодательству предполагалось лишение свободы, в рыночных странах наказываются штрафами.

— Насколько культуральная антропология актуальна в наши дни? Скажем, может ли она помочь пониманию текущих событий?

— Сейчас на всех уровнях материального и духовного существования бывшего советского человека происходит борьба двух начал: авторитарного и демократичного принципов жизнеустройства. Это ведь не только две полярные характеристики политического строя, но и откровенные точки всего уклада жизни людей, их образа мышления, восприятия окружающего мира и самих себя в этом мире, эмоциональной оценки теку-

щих событий и стратегии собственных действий. Каждый из этих модусов — авторитаризм и демократия — задает тональность буквально всем повседневным ситуациям, в которых участвуют люди — от воспитания малыша до решения государственных проблем.

Любая культура — авторитарная или демократичная, будучи упорядоченной целостностью, обуславливает столь же упорядоченные сценарии действий людей в их экономическом, политическом, религиозном, брачно-семейном и любом другом виде поведения. Иными словами, любая из жизненных ситуаций представляет собой микровариант культуры как целостной системы. Благодаря такой взаимосопреженности и возникает возможность научения культуре и научения культуры.

— Позвольте, Юрий Николаевич, задаю Вам вопрос "в лоб": зачем нужна культурная антропология? В принципе...

— Культурная антропология отвечает на три важнейших для человека вопроса: как уживаться с природой, с другими людьми и с самим собой? Человек должен уживаться с Природой в широком смысле, с учетом и своей собственной биологической природы. Он должен также уживаться и с другими людьми — для этого он организует всевозможные социальные структуры, начиная с древнейших времен: государство, политические системы и т.д. Еще одна извечная структура — семья. Здесь есть и природная, и социальная стороны, здесь, в межличностной среде, и выростала всегда личность человека.

Чтобы уживаться с самим собой, человеку нужна была религия. Впрочем, она выполняет интегральную адаптивную функцию — т.е. помогает уживаться и с другими, и с природой, и с самим собой.

Вот такие три проблемы существовали всегда, но в разное время решались по-разному: иногда больше помогала религия, иногда — наука. А больше всего помогал естественный практический опыт, который и создавал то, что мы называем культурой.

— Стоп-стоп... Давайте попробуем выкинуть в смысл этих расхожих терминов. Что Вы понимаете под словом "культура" (ведь оно столь многозначно)?

— В XVIII-XIX веках этот термин использовался для характеристики индивидуальных качеств: если человек отличался начитанностью и хорошими манерами, его называли "культурным". В философской и научной

литературе культура ассоциировалась с чем-то более развитым и высоким — по сравнению с менее развитым и низменным. Даже в наше время культуру часто понимают как совокупность только достижений, забывая, что она в равной мере несет груз и человеческих заблуждений.

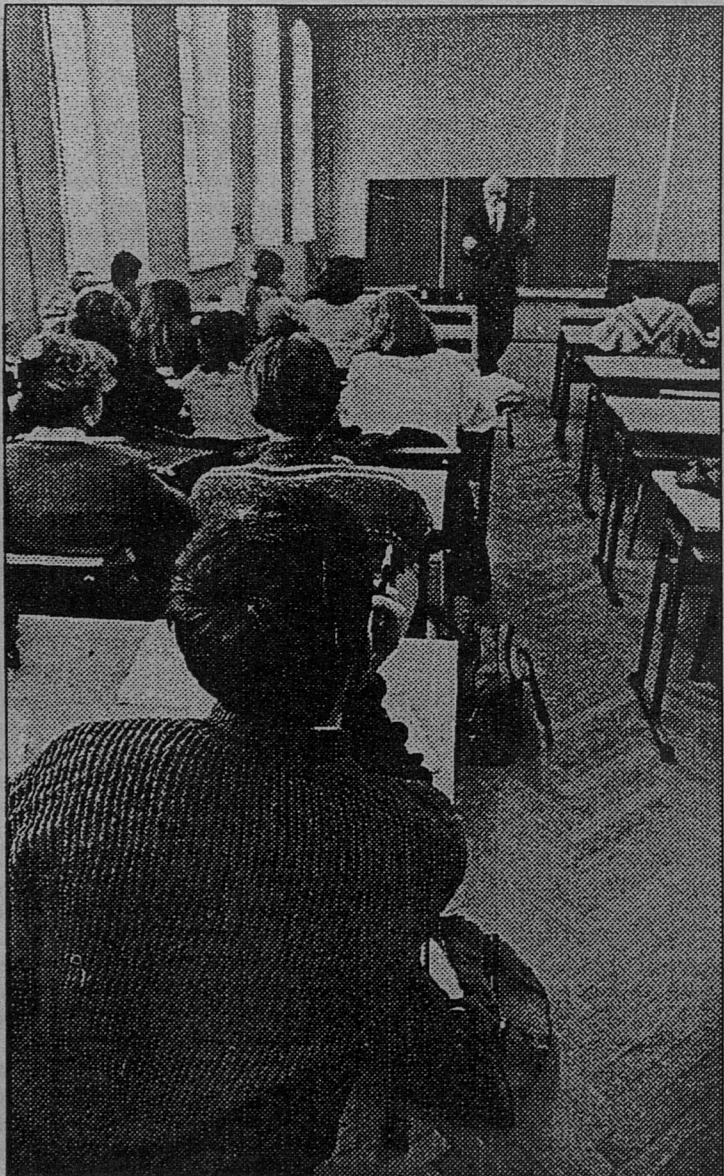
Освобождаясь от многозначности и оценочного акцента, слово "культура" все больше стало подразумевать некоторое гармоничное равновесие духовного и материального в жизни людей. Или можно сказать, что культура — это социально наследуемая стратегия выживания, физического и духовного. Если эта стратегия усвоена последующим поколением — с привнесением каких-то конструктивных новшеств — то все идет хорошо. Если же эта стратегия не усвоена новым поколением, или же она оказалась неадекватной возникшим новым проблемам, то ее нужно модифицировать или создавать заново. И это касается отношений и с природой, и с другими, и с самим собой.

Понимание культуры как повседневности, как образа жизни может быть полезным для оценки жизнедеятельности не только культур больших общностей, но и для так называемых субкультур. Они существуют внутри больших — выделяемые по своим признакам. Например, по локальному: культуры Петербурга, скажем, или Москвы, Одессы.

— А какие-то особенности этих субкультур можно назвать?

— Внешние черты отражают самые глубинные особенности. Это основные ценности, понимаемые как цели, принятые в данном сообществе. Если в свое время одессит, в отличие от жителей других городов, отличался более коммерческим характером, что выражается в его фразе: "А что я с этого буду иметь?.." — то это накладывает отпечаток на все: на характер его шуток, на характер типично одесской литературы, на реальные человеческие отношения, и, в какой-то степени, просто на одесскую толпу на улице — она несколько иная, чем в любом другом городе...

Одесса сейчас просто под руку подвернулась — в каждом городе есть своя специфика. Особенно тонко из наших отечественных исследователей это уловил Николай Павлович Андиферов. Его "Душа Петербурга" (где в центре рассуждений "дух местности" — "genius loci") — пожалуй, первое в мире краеведческое исследование, которое улавливает локальную городскую культуру. Петербуржец

Зачем нужна культурная антропология?

ФАКУЛЬТЕТСКИЕ НОВОСТИ

будет отличаться от одессита, как и от жителя любого другого города. Это отпечаток культуры в целом, а не культуры как чего-то более высокого, более совершенного — в отличие от нецивилизованного и грубого. Поэтому лучше применять термин "культуральный" — то есть относящийся к культуре. А не "культурный", позволяющий пользоваться сравнительной степенью.

Открывается возможность изучать субкультуру так же, как "большую" культуру. Это понятие дает определенные ключи к изучению таких специфических субкультур как противоправная среда, места лишения свободы, различные замкнутые учреждения (дома престарелых, дома ребенка) и целые социальные институты — например, армию. В любой субкультуре — будь то секты, неформальные молодежные группировки или промышленные фирмы — существуют свои признаки внешнего опознавания, свой язык, жесты, свои моральные ценности, представления о том, что хорошо, а что дурно. Все это создает своеобразный уклад повседневной жизни данного сообщества, т.е. его культуру.

— Когда, скажем, с "гражданки" попадаешь в армию — момент незабываемый. И не только для меня, но и для любого парня (даже если не владеешь Вашими терминами...)

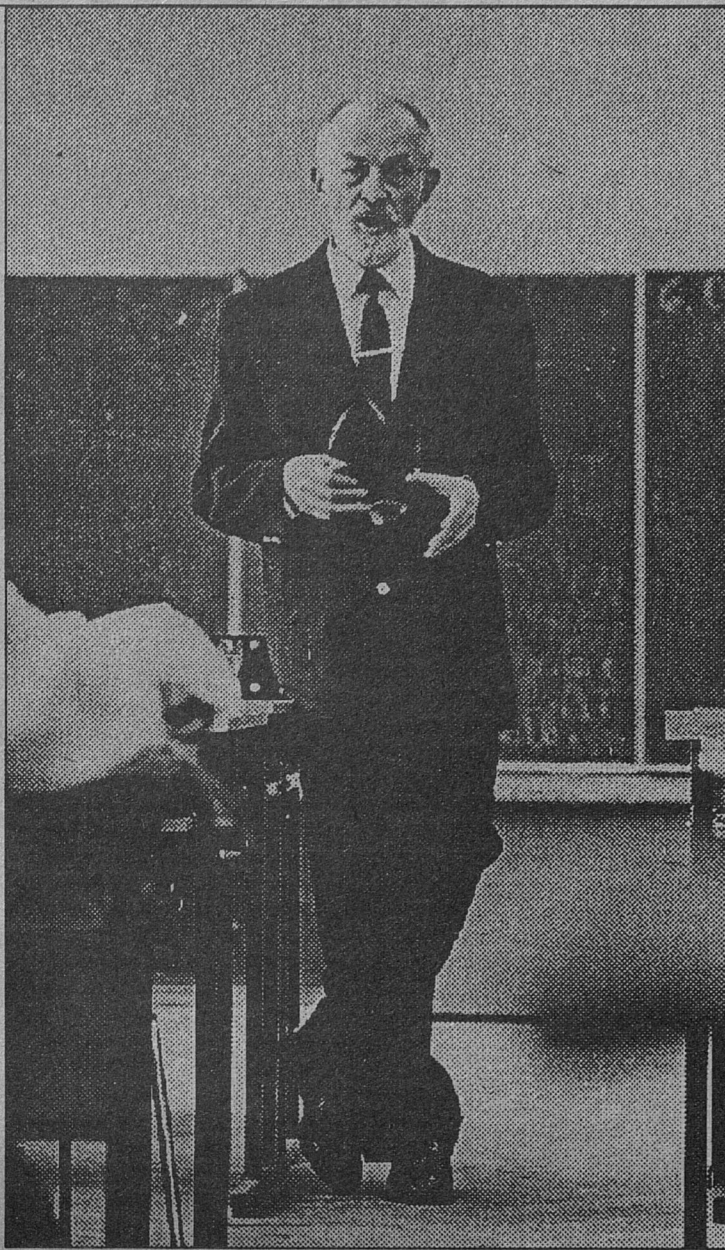
— Естественно. Человек, попав из общей культуры в какую-то из специфических субкультур, испытывает то, что называется культуральным шоком: от столкновения с новой культурой, с новой средой. Он не знает правил, по которым развивается взаимодействие людей, он не знает тонкостей специфического языка или диалекта новой среды. Как будто он оказывается в другой стране! Его воспринимают как чужака, ему нужно адаптироваться к новым условиям. И чем жестче эти условия, чем более грубы ценности-цели новой субкультуры, тем сильнее шок, больше риск для новичка.

Любая субкультура стремится к структурированию, к узнаванию своих, к выделению. Посмотрите на молодежные субкультуры: у металлистов свои знаки отличия, у рокеров, у любителей свои... Нужно, чтобы ты чем-то отличался. Если ты во внешней среде ничем не отличаешься, значит, ты к ним не принадлежишь. И вообще, значит, ты можешь им легко измениться! А есть еще такие отметины, как особые обряды инициации, татуировки, иногда даже членовредительство — все это средства отметить, что ты к этой субкультуре относишься. И это накладывает определенные обязательства, несомненно.

— И это же, видимо, неминуемо затрудняет исследования. А в чем все — в сравнении с другими специалистами, работающими с людьми?

— Решающим критерием профессиональной пригодности культуролога является его способность к выполнению так называемой "полевой работы". Полевая работа — это внедрение в чужой образ жизни с двояких позиций: в качестве наблюдателя событий и в качестве их участника, т.е. незнакомца и одновременно друга.

Успешность полевой работы

Профессор Ю.Н.Емельянов

зависит от того, как культурантрополог работает с информантом. Информант — это особое лицо в практике научно-исследовательской работы, которое принципиально отличается и от испытуемого в социальном-психологическом эксперименте, и от респондента в социологическом исследовании. Информант — это учитель, имеющий наивного и любознательного ученика — профессионального антрополога. В этом уникальном взаимодействии культурантрополог должен помочь информанту преобразовать себя из туриста в квалифицированного специалиста. Информант может быть подростком, который объясняет культурологу, как в их деревне принято играть в чехарду. Официанткой в баре маленького городка, которая показывает, как нужно красиво подавать напитки и побуждать посетителя оставить чаевые. Пожилым умельцем, который учит культурантрополога строить хижину или плести корзины. Наконец, информантом может быть старуха, объясняющая сложности системы родства в своем племени. Короче говоря, информантом может быть любой человек, который естественным путем усвоил поведенческий репертуар, свойственный данной культуре или субкультуре.

— Хотелось бы узнать о ваших исследованиях субкультур. Мне особенно интересны включенные исследования, если вы такие вели...

— В культурную антропологию вплетаются те материалы, которые ей поставляет этнография: о малых народах, о группах,

живущих в изолированных регионах, заброшенных деревнях...

Наши сотрудники, по образованию этнографы, по-прежнему участвуют в таких экспедициях. Но в том виде, в каком хотелось бы, исследований современных субкультур, к сожалению, пока нет. Потому что нет пока смельчаков, которые бы смогли провести эти опасные исследования. И нет соответствующего законодательства. Мы не можем "погрузиться" в места лишения свободы, психбольницы или в дома престарелых...

Хотя всем ясно: ничего нельзя сделать для такой громадной области, как социальная работа, если мы не будем точно знать, что там происходит. А что мы имеем? Только случайные журналистские описания. Или — откуда мы знаем, как в доме малютки воспитываются дети? Можем только конструировать гипотезы... В частности, ребенок может безнаказанно для своей психики пережить смерть двух (!) матерей, от силы — трех.

И вот конкретный малютка принимает воспитательницу за свою мать. А она увольняется через три месяца, допустим. Для него это — смерть матери, еще одна, после той, которую он пережил при рождении, став "отказником". Он может еще раз привязаться... Но если и ее не станет, то навсегда останется замкнутый, недоверчивый человек... Как можно с полной уверенностью сказать, что такое не происходит сплошь и рядом в домах малюток? Ведь у нас нет систематических наблюдений. Мы можем предполагать что сейчас — это питомник для лю-

дей, неприспособленных к жизни, источник отношений, уродующих общество.

Мы ничего не знаем о домах престарелых. Мы понаслышке знаем, как умирают наши старики в больницах, когда некому дать руку умирающему, ему уже ничего не нужно, кроме этого... В таких самых больных точках общества сегодня несомненно нужны культуральные исследования. Они могли бы очертить хотя бы границы проблем, какие преобразования нам нужны в первую очередь.

— А молодые идут на вашу специальность с охотой?

— В этом году у нас открылось отделение, которое занимается именно социальной работой. Студенты здесь получают хорошую теоретическую подготовку: такие дисциплины, как геронтология, патопсихология, медицинская психология и т.п... Муниципальные власти в Штатах и в других странах тратят большие деньги на социальную работу. И у нас начинает придаваться большое значение ей: работе с умственно отсталыми, с престарелыми, с неизлечимо больными, реабилитация отбывших наказание, наконец, обучение родителей.

И опять, что тут можно сделать, если мы толком не знаем, как живут, например, заключенные? Мы знаем только по их рассказам — но это свидетельства людей, эмоционально травмированных, заинтересованных. Нет исследований объективных. А тем более, у нас нет объективных документов: не разрешают ни снимать в "зоне", ни записывать. Есть только человеческие впечатления.

— Почему все-таки множество прикладных проблем вы группируете вокруг культурной антропологии?

— Да потому, что если заблудился, то нужно спрашивать не столько: "Где я?", сколько о том, где находятся другие. И сопоставляя культуры — нашу и западные — по различным параметрам, таким, например, как отношение к наиболее социально обездоленным слоям населения, мы сможем лучше понять самих себя. Кстати, это характеризует и общество в целом: как оно относится к своим старикам, к детям... Тут мы будем связаны с международными фондами.

Почему это сейчас актуально? Потому что сейчас всем нам нужно учиться нести индивидуальную ответственность за свою судьбу. Вместо того, что было раньше, когда человек принадлежал к огромной субкультуре, которая называлась "великая общность — советский народ". Сейчас он не знает вообще: кто он? Вот мы раньше проводили простенький тест и просили ответить: кто я? (дать как можно больше определений себя). Опрашиваемые лет 15 назад отвечали: я — инженер, я — комсомолец, я — парторг... Почти никогда не называли свою национальность.

А когда произошел культуральный взрыв, и непонятно стало, к какой культуре, субкультуре ты теперь относишься, — сразу же, самым явным признаком стала ... кровь. Я — русский, грузин, латыш, еврей, калмык. Здесь определенность совершенно очевидная, каждый знает, кто он есть. Поэтому

культуру стоит изучать как средство обеспечения для человека чувства самоидентичности, определенности: кто есть кто?

Для малых народов проще — человеку тут достаточно этнической определенности. А для больших народов нужна еще и принадлежность к субкультуре внутри большой общности. Поэтому малые народы всегда были сплоченнее.

— Кстати, Юрий Николаевич, исследования национального характера у вас были, будут?

— Ставить сегодня проблему национального характера вообще-то уже считается нонсенсом. Самые тонкие исследования на эту тему могут дать только отличия среднестатистические. В первую очередь, оказывается, важна принадлежность не к общенациональной культуре, а к ... сословной. Вспомним хотя бы династические браки. Сколько было на российском троне правительниц не доморожденных, а пришлых, из других стран? Выражали они русский национальный характер или нет.

Конечно, проблему взаимоотношений решать надо — но не путем вычленения национального характера, а путем показа культуральной относительности. Не обязательно англичанин должен быть сухим, строгим — многие из них с юмором, но у них просто свой юмор.

— А что принято в одной национальной культуре и не принято в другой?

— Конечно, отличия прежде всего бросаются в глаза. К примеру, на материке принято заговаривать с дорожными попутчиками — в поезде, скажем. И для нас это характерно, и для тех американцев. А вот у англичан такое не принято, нельзя... В чем тут дело? не потому, что обычай такой особенный. Страна просто у них маленькая. Даже американцы — в огромных Штатах по сравнению с крохотной Британией — и те знакомы друг с другом через печочку в шесть человек! У англичан эта печочка, вероятно, куда меньше — в три человека. И если ты заговариваешь с дорожным попутчиком, то очень быстро невольно вы выйдете на общих знакомых и начнете — что? — их обсуждать... А это уже сплетни... Так что их запрет на подобные разговоры — своеобразная самозащита. Хотя средний англичанин вам и не сможет объяснить: почему нельзя заговаривать в поезде?

Культура — это большая адаптивная система. И вообще культура — это продолжение приспособления человека к среде, но другими средствами.

Культуральное разнообразие, с одной стороны, интересно, а с другой — позволяет, когда мы изучаем чужую культуру, посмотреть: а как у нас? Мы можем новыми глазами взглянуть на привычные, естественные для нас вещи. Когда мы видим другой образец, особенно странности, то обращаем внимание и на свои собственные особенности. И понимаем относительность, условность наших обычаев — вместо того, чтобы думать: "А-а, они глупые, и привычки у них дурацкие..." В таком широком, просветительском смысле и важна культуральная антропология.

Беседу вел Евгений ГОЛУБЕВ

«ПЕРЛОВАЯ» СТРАНИЦА

"Карбонат Чацкий" или "Брат не покладая рук"

Минула еще одна экзаменационная страда. Теперь уже над курьезами и оговорками, элементарной грамматической неряшливостью, языковой небрежностью сочинений абитуриентов можно и посмеяться. А можно и вспомнить гоголевского "Ревизора". Ну так как, господа?

И вот разочарованный Евгений получает телеграмму, что его дядя при смерти.

Ленский и Онегин становятся такими друзьями, что без друг друга жить не могут.

Я до конца понял и почувствовал этого необыкновенного человека, "ассенизатора и водовоза".

Прочитав этот стих, все мысли и чувства автора не вольно передаются тебе.

Его [паспорт] подают большие и мозолистые руки, а глаза подающего пылают огнем гордости.

Он думал, что Чацкий — карбонат.

Бог был для них камнем приткновения, которому они доверяли все свои горечи, каялись перед ним и просили защиты.

Еще с исторических времен, живя в лесу, в глухой чащобе, люди вглядывались в мир, окружавший их. Наблюдая жизнь рыб, пчел, зверей, человек заметил, что очень многое можно взять у природы.

Катерина очень часто употребляет народные выражения.

Это не значит, что Катя умерла совсем. Нет! Дело ее продолжают другие.

Чего бить ногами — ведь не казенные! [О Катерине] Такие женщины устанавливали советскую власть.

Ее [Кабанихи] речь полна эпитетов из самых темных подвалов русского языка.

Екатерина не стала куклой в руках буржуазии.

И на западе, и на севере, и на востоке, и на юге — везде, где это было возможно, жили люди. Они жили от зари до зари.

Чацкий — единственный луч света — уезжает на три года.

Фашистские палачи и их подручники.

Начитавшись французских романов, она ищет кандидатуру для приложения своих духовных сил.

В наше время роман "Поднятая целина" имеет большое значение для воспитания молодежи не только с партийной точки зрения, но и для нравственного отношения к противоположному полу.

"Кому на Руси жить хорошо" стала источником грома среди ясного неба русской литературы того периода.

Маяковский горячо любил свою Родину, но эта любовь не была плутанической, оторванной от мира, то есть вроде бы свою родину любишь, а в чем конкретно выражаешь — сказать трудно.

Одна из форм любви — любовь к женщине.

Ленин — голова на теле человечества. Доктор подошел к песу.

Татьяна была окружена лесами, полями да соседями.

Есенин мечтал о любви к собаке, к женщине.

Софья жила на всем готовом; только знала наряды менять, да вздыхать о таком ничтожестве — подлейшем человеке Молчалине.

Чацкий уходит из дома Фамусовых с криком: "В деревню, к тетке, в глушь, в Саратов". Жить в глуши ему легче, чем в этом лживом обществе.

Пушкинские произведения о поэте и поэзии являются как бы компасом, который все время показывает на север, как его ни верти.

Ему, как каждому человеку один раз в жизни необходимо было выбрать свою дорогу. Лермонтов делает свой выбор: "Выхожу один я на дорогу..."

Человек сильнее машины, но часто слабее своих страстей.

Роман "Евгений Онегин" более ритмичен, но не как марш, а как вальс.

Онегин хочет остудить ее пыл, но в сердце у нее сидит стрела Амура.

Только человек, искренне преданный делу социализма, делу революции, мог написать такие строки: "Я достаю из широких штанин..."

Идя по жизни, поэт нес на себе нелегкое бремя: "Светить всегда, светить везде..."

"Моя революция" — вот слова "горлана" пролетариев.

В образе этой девушки слились и внутренняя, и внешняя красота.

Сатирические стихи Маяковского ослабляли силы эксплуатации и ихний авторитет среди населения среды.

Маяковский с презрением смотрел на живоделов, которые выпивали кровь из ран народных масс.

Народ еще не успел опомниться после революции, а партия уже звала его на новые подвиги.

После гниющего капитализма есть последняя стадия — социализм.

Внешность Наполеона описывается с помощью повтора характерной для него части тела.

Выражал мысли и чувства самого себя.

Теркин может в лютый мороз, когда у людей отмерзают руки и ноги, играть на гармонии.

Ночь тиха, на все навевает холодный вечный сон. Но поэт не может ждать: он жаждет бури.

Ночь, проведенная с Наташей, окончательно убедила Болконского в том, что человек создан для счастья.

Читая произведения поэта, перед глазами встает жизнь России того времени.

Наташа занималась любовью, несмотря на приближающегося француза.

Молодой журналист борется с жесткостью.

Образ ужа, рожденный ползать, и не собирается летать.

Народный певец Гриша Добросклонов, явившийся портретом Добролюбова.

Девушка, которую он [Ларра] завожделел.

Неименуемо погибают.

Щюкарь.

Он берет на себя ее обузу: учит ее читать.

"Собака" поисков счастья в России и в СССР "зарыта" на кладбище права.

Изнемогающая от самой себя действительность.

Находясь на батарее Раевского, снаряд пролетел над ним и приземлился в двух шагах.

Даже вишневый сад, культурное наследие прошлого, был не нужен ретроградной Раневской.

Ее [Раневской] нежность (она ласкает даже вещи) граничит со слабоумием.

Ежово-Ягодный компот великий вожь менял в нашей рациональной диете набериевские цветочки.

Эпиграф: "Тварь я дражащая или право имею?" Ф.М.Достоевский.

Простому народу и так было нелегко расставаться со своим скотом.

В конце концов, раскусив свою распутную жену, он разводится с ней, при этом часть его богатства остается Элен.

Я читала статьи Нуйкина, Шмелева, Залыгина, Распутина, и в голове метрономом стучало: правда, правда. Звучало мерно, но с нарастающей силой.

Цаничная, разбитная Варвара.

Утез простился с тучкой, но "влажный след" остался у него "на груди." Так человек прощается со своей любовью. Но печаль еще долго остается в его душе.

Изнутри.

Возможно, им подобных людей так охарактеризовали: гвозди бы делать из этих людей, было бы больше хороших гвоздей.

Ему, этому собственнику, который привык жить за счет чужого труда, никогда не понять красоту социалистического образа жизни.

Жалко ему расстаться с быками, которые являются чуть ли не членами семьи.

Колледжский советник П.И.Чичиков.

Вообще, Гоголь показывает в лице помещиков этапы духовной деградации.

Сабокевич — кулацкая натура.

На образе одного из них — Манилова — можно остановиться.

Ряд глубоко нерешенных задач.

Чичиков закушал мертвых крестьян у помещиков, которые еще по спискам числились живыми.

Следствием непродуманно принятого решения стоит дом на возвышенности.

Узок круг умственного развития этой помещицы.

Ноздрев предстает как расточитель своего имени.

"Мертвые души" сыграли значительную роль в раскрытии общественного строя в России.

М.Ю.Лермонтов — поэт души человеческой.

Лермонтов чувствует себя одиноким, окружающем его обществе, он очень редко бывает в свете, если же появляется, то всегда стоит один где-нибудь в стороне от всех.

Всегда молчаливый, серьезный, подтянутый, холодно любезный. Ему чужды ничтожные интересы блестящих кавалеров и дам — прислужников самодержавия.

Белинский говорит о Гоголе: не правда ли, повести Гоголя просты, а герои нам знакомы. И хочется сказать: да, так и есть, и почему я сам до этого не додумался.

Один восточный мудрец так сказал о красоте в самом широком смысле этого слова: Что такое красота? Почему ее обожествляют люди? Сосуд она, в котором пустота, или огонь, мерцающий в сосуде.

Брат не покладая рук.

В годы, когда весь простой люд уже стонал от гнета капиталистов, появилась эта "современная книга".

Когда у Татьяны было день рождения, Ленский уговорил Онегина принять приглашение Татьяны, где в дальнейшем Онегин жестоко оскорбил чистую любовь Ленского к Ольге, чем и вызвал себя на дуэль со стороны Ленского.

Латыньский язык.

"Перлы" из сочинений абитуриентов

Студенческий клуб предлагает

ДОРОГИЕ ПЕРВОКУРСНИКИ!

Убедена, что Ваше представление об университете будет неполным, если Вы пропустите возможность знакомства с творческой жизнью коллективов художественной самодеятельности своей альма-матер. Для этого необходимо лишь Ваше ЖЕЛАНИЕ приобщиться к миру искусства, а открытие Ваших СПОСОБНОСТЕЙ предоставьте опытным педагогам. Итак, Вас ПРИГЛАШАЮТ:

— лауреат международных конкурсов, Народный коллектив России ХОР СТУДЕНТОВ (художественный руководитель и главный дирижер — за-

служенный деятель искусств России Григорий Моисеевич Сандлер);

— лауреат международных конкурсов, Народный коллектив России КАМЕРНЫЙ ОРКЕСТР (художественный руководитель и главный дирижер Сергей Николаевич Ефаев);

— лауреат международных конкурсов СТУДЕНЧЕСКИЙ НАРОДНЫЙ ТЕАТР и его студия, а также РЕЖИССЕРСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ (художественный руководитель и главный режиссер Владимир Сергеевич Голиков);

— лауреат российских конкурсов РУССКИЙ НАРОДНЫЙ ОРКЕСТР (художественный руководитель и главный дирижер Алексей Михайлович Долгов);

— лауреат российских конкурсов ВОКАЛЬНЫЙ АНСАМБЛЬ (художественный руководитель Мария Иосифовна Гольденшлюгер).

Наш адрес:

Университетская наб., д.11, Студенческий Клуб (во дворе филологического факультета) с 14 до 18 часов.

Контактные телефоны:

218-95-50, 218-96-70 (кроме субботы и воскресенья).

Зав. отделом художественной самодеятельности Л.ГОЛИНЬКОВА

Санкт-Петербургский УНИВЕРСИТЕТ

Издатель: Санкт-Петербургский Государственный Университет
Адрес: Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9, аудитория 113
Телефон: 218-94-88

Главный редактор: Наталия Кузнецова
Выпускающий редактор: Сергей Лобачев

Отпечатано в ГПК СПб, Фонтанка, 59
Подписано в печать: 02.09.1993
Заказ 9078 Тираж 1000 экз.